

Игорь Лёвшин

Антилингвистическая утопия Владимира Казакова

И НЕМНОГО О ВСЕВОЛОДЕ ПЕТРОВЕ

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_267

«Различие между мышлением как таковым и произведениями искусства состоит опять же в том, что произведения не подчинены законам логики. В произведениях искусства может быть полно противоречий. Это не обязательно грозит их существованию. Но если мыслитель станет таким же бессвязным, как нонсенс, выраженный в поэтической форме, он перестанет быть мыслителем»¹.

Так пишет Маркус Габриэль — модный на Западе философ-мост: на левом берегу континентальная философия, на правом — аналитическая. Он с вероятностью 99,999% никогда не слышал о Владимире Казакове и вряд ли услышит.

И в этом серьезная проблема. Не лично Маркуса. Дело в том, что ни философия, ни литература не автономны полностью, они пересекаются, переплетаются, хотя бы соприкасаются. В здоровой культуре физики играют на скрипках, балетмейстеры ставят танцы по книгам (а художники делают к ним декорации), литераторы называют свои опусы фугами и симфониями. Ось Читатель — Писатель, даже с Критиком, нанизанным на нее посередине, еще не полноценная литературная экосистема.

В полноценной философии всего мира цитируют Борхеса, а логики — Кэрролла.

Владимир Казаков цитатами, иллюстрирующими жизнь языка, мог бы обеспечить потребности лингвистов, политиков, психоаналитиков, а то и маркетологов развитых и развивающихся стран. Фразы, где локальное содержание нанизывалось бы на костяк его парадоксальных языковых конструкций, могли бы мелькать на языках народов мира как *kazakovism*'ы.

Ничего из этого не произошло, как не произошло многое из того, что должно было — казалось тогда — произойти.

Не произошло даже самого микроскопического на фоне таких масштабов: расширения известности его произведений хотя бы внутри русской культуры².

Лёвшин 90-х как фон и документ

В этой полустатье я буду много цитировать «себя». В этом нет ничего нескромного: Лёвшин из 90-х, когда вышло полдюжины лёвшинских статей о Влади-

1 Габриэль М. Власть Искусства / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2023. С. 75.

2 В заметке, предвещающей подборку стихотворений в газете «Гуманитарный фонд», Лёвшин 90-х, о котором скоро тоже пойдет речь, писал: «...врываются книги Владимира Казакова. Их покупают и погрязшие в филологии дамы, и легкомысленные охотники до чего-нибудь эдакого, несуетского, нереалистического, и полковник Генштаба, что в 50 метрах от магазина». В то время казалось, что известность Владимира Казакова теперь будет только расширяться.

мире Казакове, для меня (почти) такой же далекий и малопонятный человек, что и другие люди. Я перечитывал эти статьи не без любопытства: что же этот он-я такое понаписал, что он там имел в виду? Что он тогда чувствовал?³

Нео-, мета- и мимо

Где место Владимира Казакова на карте русской литературы? Да нигде, в общем. До сих пор он почти in the middle of nowhere. На весьма ценном мной ресурсе «Русская виртуальная библиотека» он в разделе «Поэты вне групп»⁴. И, подразумевается, вне течений. И тем более, вне «актуальных» течений.

«Поэзия неомодернизма» Александра Житенёва⁵ (почти 500 теоретически насыщенных страниц, 2159 примечаний, разбираются стихотворения 71 неомодерниста) обошлась без Казакова. Поиск не находит ни единого упоминания. Эту книгу много критиковали (справедливо, как мне кажется, и безусловно справедливо подчеркивая ее значение), я же лишь повторяюсь: цитаты из Владимира Казакова могли бы помочь продвижению этого нового для отечественной литературы зонтичного термина. Вот как формулирует Томас Эпстайн претензии «неомодернизма» в рецензии «...Чтобы обрести НЕО»:

Неомодернисты, по Житеневу... осознают эту проблематику модерна, как его понимали их «отцы», но порывают с его притязаниями на преобразование жизни... признание центральной проблемой поэзии конфликта между языком и репрезентацией, образом и смыслом⁶.

Могли бы стать цитаты из Владимира Казакова иллюстрацией к этой формулировке?

Оставим неомодернизм — и в интерпретации Житенёва — Вязмитиновой, и тем более в глобальном смысле, еще менее согласованном (Агнеш Хеллер vs. множество других употреблений термина).

3 Тот Лёвшин 90-х довольно энергично сочинял критические статьи. Кроме полудюжины статей о Владимире Казакове, были «статьи» о Сорокине и Холине, например. Сорокинщину о Сорокине упоминали на конференциях как образчик «постмодернистской критики», оно вышла в НЛО, что тогда считалось (да и сейчас считается) «признанием». Я этими статьями не гордился. А вот статьями о Казакове — пожалуй. Эти статьи о Казакове не были постмодернистскими, были просто менее академичными, более игривыми, чем те, что были написаны о нем до того.

Эти его-мои статьи мне, пожалуй, не нравятся — я бы их переписал.

Но переписать их я не могу — я не переписываю статьи других авторов, а Лёвшин 90-х — это другой человек, который слушал другую музыку (это, конечно, главное), дружил с другими людьми, многие из которых уже в мире ином. Из этих статей, однако, можно извлечь некоторые мысли, которые мне сейчас кажутся вполне достойными упоминания — всевозможные конструкции с префиксом «за» из «Двойной игры», например. Попробую сейчас воспроизвести, что за этими «за» стоит.

Но главное: эти статьи нравились (утверждал Лёвшин 90-х) и Тамаре Павловне, и Ирине Казаковой, то есть Матрешечке.

4 Русская виртуальная библиотека. Владимир Казаков // <https://rvb.ru/np/publication/o1text/20/o2kazakov.htm>.

5 Житенёв А.А. Поэзия неомодернизма. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012.

6 Эпстайн Т. ...Чтобы обрести нео / Пер. с англ. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2013/4/chtoby-obrest-neo.html>).

До этого в русской литературной среде имел ограниченный успех термин «метамодернизм».

Как и радикально локализованный неомодернизм, как и «московский романтический концептуализм», не слишком похожий на «мировой» концептуализм, локализованный метамодернизм оказывался в критической практике где-то между реализмом и модернизмом, хотя изначально собирался вроде осциллировать между модернизмом и постмодернизмом (как у Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера)⁷.

И конечно, Казакова записывали и в постмодернисты, но уж бы во «вне групп».

...не составит труда пересказать и подобрать цитаты так, что Казаков-прозаик предстанет истым постмодернистом, или, скажем, символистом, Казаков-драматург — самым обэриутствующим обэриутом. <...> «Эшафот разлучает нас с жизнью, а слово “эшафот” разлучает нас лишь с тишиной». Звучит здорово, будто настоящий постструктуралист сказал (Лёвшин 90-х, «Долгожданный Год»).

Будто. Но это не он.

А почему бы не вспомнить тут и «ретромодернизм», предложенный Сергеем Завьяловым? Не слышу в этом слове уничижительных обертонов, хоть бы они и были изначально заложены («конструирование пассаистского мифа»). Даже термин «литературный арьергард», за который агитировал в свое время Руслан Марсович (Надреев), меня бы не смутил. Положительно, цитат и доводов, иллюстрирующих принадлежность Владимира Казакова к ретро-модернизму или к арьергарду, найти несложно. И все это притом что в целом он вовсе не эклектичен, это скорее монолит в эстетическом смысле.

Итак, не утруждая читателя этой полустатьи доводами и цитатами: если так уж необходимо прописать Владимира в каких-то «-измах», то я голосую за метамодернизм. Или «замодернизм».

Лингвофилософские пьесы

Не так трудно найти у Казакова в любом его тексте (кроме, разве что, стихотворений и ранней прозы) фразу, логический и лингвистический анализ которой займет полстраницы:

А то вдруг предстает логиком-парадоксалистом, этаким Бертраном Расселом:

ДОН ЖУАН

Есть верная улика: он <Дон Жуан> как две капли воды похож на меня.

<...>

КАВАЛЕР (к Дон Жуану)

Но как же нам в таком случае отличить вас от вашего двойника?

ДОН ЖУАН

Дело в том, что есть одно, но только одно, различие между нами. Дон Жуан, когда лжет, никогда не краснеет, а я, когда приходится солгать, краснею, как девушка.

7 См., например: *Вермюлен Т., Ван ден Аккер Р.* Что такое метамодернизм? / Пер. с англ. Н. Зингера // Двоеточие. 2014. № 23 (<https://dvoetochie.org/2014/06/19/metamodernism/>).

КАВАЛЕР

Но вы сейчас покраснели — именно как девушка!

ДОН ЖУАН

Именно потому, что я не Дон Жуан.

КАВАЛЕР

Гм!... Но значит, вы мне солгали?

ДОН ЖУАН

Как же я мог солгать, если я покраснел? Ведь если бы я не покраснел, то оказался бы Дон Жуаном, а не собой.

(Лёвшин 90-х, «Дон Жуан в “Гилее”»)⁸

Парадоксально то, что при обилии паралогических фрагментов Казаков не был математиком (как Кэрролл или Роман Михайлов, которого я буду упоминать дальше) и вообще в интересе к этим дисциплинам замечен, кажется, не был.

Александр Скидан цитирует Александра Введенского: «...я провел как бы поэтическую критику разума... Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. <...> И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые»⁹.

Ну да, так и есть. У Введенского критика языка. Но не в таких количествах, как у Владимира Казакова. У Казакова эта критика языка маниакальна. Это антилингвистическая одержимость¹⁰, антилингвистическая утопия. У раннего Введенского не антилингвистическая утопия, а лингвистическая антиутопия. Жутковатая реальность его времени вторгается в том числе через подземный ход этой критики.

У Казакова мало режущего и колющего. Мало социального и политического тем более. Абсурд — как исторически очерченный литературный подход — неявно предполагает неприятную абсурдность вполне реального мира.

В любом случае это тема целой монографии, а не полумимовизиционной полустатьи. Не исключено, что такие монографии еще появятся. Возможно, написанные уже Искусственным Интеллектом, который окажется больше заинтересован этой особенностью творчества Владимира Казакова (спокойно, это шутка; но серьезная, «зашутка»).

Все же вернемся к карте. (Или стоит различать литкарту и литтерриторию? Кстати, литкарта, где Казаков просто москвич¹¹, — это тогда, наверное, литтерритория.) Кто располагается рядом с Владимиром Казаковым?

8 Вообще-то здесь, может, уместнее было бы упоминание не Рассела, а Тарского, который исследовал знаменитый «Парадокс лжеца», вариант которого предлагает в своей пьесе Казаков. Лжец у Тарского иллюстрировал его подход: переход с уровня языка к уровню метаязыков.

9 Скидан А.В. Критика поэтического разума // Новое литературное обозрение. 2011. № 108 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2011/2/kritika-poeticheskogo-razuma.html>).

10 «Никто, мне кажется, так усердно и радостно не разбирал русский язык по винтикам, как Владимир Казаков» (Лёвшин 90-х, «Долгожданный Год»).

11 Новая карта русской литературы. Владимир Казаков // <http://www.litkarta.ru/russia/moscow/persons/vladimir-kazakov>.

Не Всеволод Петров ли?

Конечно, Владимир Казаков знал произведения Хармса и Введенского. Но я предлагаю поговорить о Всеволоде Петрове. Казаков мог бы с ним пересечься — он дожил до 1988-го, Петров умер в 1978-м. Но свидетельств общения, да и предпосылок к тому никаких нет. Я говорю о Петрове не как об авторе прославившей его «Турдейской Манон Леско», а как об авторе не менее интересных с моей точки зрения «Философских рассказов»¹².

ВИТКОВСКИЙ: <...> Вы?

ПРИЗРАК: Я.

ВИТКОВСКИЙ: Как? И вы, и я одновременно?!

ПРИЗРАК: Нет, вас нет. Только я.

Но это пока Казаков, драма «Врата» в «Случайном воине»¹³.

Если бы мы могли предположить, что Казаков был знаком с философскими рассказами Петрова, мы бы легко могли при желании счесть эти диалоги вторичными и подражательными по отношению к философским рассказам Петрова.

Или великолепно: «Попробуйте-ка вон то средство. Если оно вас не воскресит, значит, вы живы»¹⁴.

Философская онейропроза и как философствовать снами

Философствование молотом (еще не кувалдой) в конце XX века постепенно замещается, к счастью, более щадящими способами: теперь чаще философствуют снами.

Некоторые примеры: Мишель Турнье, изучавший философию в Сорбонне и в Тюбингене, писал философские сказки¹⁵. Александр Пятигорский назвал сборник «Рассказы и сны»¹⁶, но это философские рассказы. Или незабываемый и все же полузабытый сборник «Парк культуры и отдыха» Андрея Краснящих¹⁷.

Философские рассказы образуют, пожалуй, особый жанр. Считается дурным тоном философствовать в них эксплицитно. Философствуют образами и поворотами, переворотами, узлами сюжетных линий.

И конечно, в философской прозе философствуют снами:

12 *Петров В.Н.* Из литературного наследия: философские рассказы, дневники, проза, стихи. М.: Галеев-Галерея, 2017.

13 *Казаков В.В.* Врата // Казаков В.В. Случайный воин: стихотворения 1961—1976. Поэмы, драмы, очерк «Зудесник». München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1978. С. 155.

14 *Казаков В.В.* Изваяния // Там же. С. 192.

15 *Турнье М.* Философская сказка / Пер. с фр. М. Архангельской, Т. Ворсановой и Н. Хонтинской. М.: Энигма, 1998.

16 *Пятигорский А.М.* Рассказы и сны. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

17 *Краснящих А.Л.* Парк культуры и отдыха: рассказы. Харьков: Тяжпромавтоматика, 2008.

...философская или, иначе, — «интеллектуальная проза», функционирует, подчиняясь тем же законам сновидения, замещая мышление воображением, логику — риторикой, понятия — образами, «мысли — словами».

Так говорит Илья Калинин о рассказах и снах Александра Пятигорского¹⁸.

Философские рассказы Петрова для большей убедительности следовало бы квалифицировать как «Онтологические рассказы»¹⁹ — их темы: онтологический статус воображаемого, рассказываемого и снящегося (аналог — «реален ли единорог»); сомнительный статус «я». А может быть, это не онтологические, а «Метафизические рассказы» — некоторые из них сейчас даже читаются как родственные рассказам Мамлеева²⁰.

Конечно, многое в эстетике Казакова, как и в эстетике «Философских рассказов» Петрова, укладывается в производные от «онейро-»: онейропроза, онейропьесы. «В нем (В Казакове. — *И.Л.*), наверное, живет самый нежный и сновидческий путь из проложенных русским авангардом в будущее»²¹.

Роман Михайлов пишет в своем канале @jaadukiichadi в телеграме:

...философские трактаты похожи на бредовые сны, явленные во время болезни или высокой температуры. Ты блуждаешь кругами вокруг точки на обоях, пытаешься ее схватить взглядом или мыслью, или чувством жизни, она не схватывается, ты заходишь на следующий круг, и само это действие оказывается занятием философией — проявлением твоего существования. Если хватает сил, записываешь этот бредовый сон и говоришь, что написал трактат о природе времени, например. <...> Сны-фильмы-философия — это метакластер, очень отличный от тематики-музыки или языка-текста или мистерии-театра²².

Казаков не столь радикален, как Кручёных. Он отступил. Но, отступив на несколько шагов, он получил перспективу, ему стало видно то, что вплотную видно не было.

18 Калинин И.А. Александр Пятигорский, Рассказы и сны // Новая русская книга. 2001. № 3 (<https://magazines.gorky.media/nrk/2001/3/aleksandr-pyatigorskij-rassказы-i-sny.html>).

19 У Андрея Краснящих тоже, наверное, не философская, а онтологическая онейропроза.

20 «В этом я чувствую близость Вс. Петрова не только к друзьям обзериутам, но и к Владимиру Казакову (который сильно напрягал логические возможности языка — как мало кто). Да и к — чего уж там — к Мамлееву, который на самом деле укоренен в языковых играх не меньше, чем в своей “мамлеевщине”. Петров “Философских рассказов” — это такой Мамлеев-без-гадостей». Это писал я (не Лёвшин 90-х) в своем блоге под впечатлением от рассказов Петрова. И правда: «Павленька был слепой и пел на рынках. Так как он все равно ничего не видел, ему даже нравилось жить. Но все-таки он понимал некоторую разницу между вещами. Один раз ему подали огурец со сметаной. В другой раз ему подали бумажку, в которой была завернута голова петуха. А еще в другой раз привели живого гуся и заставили его клонуть Павленьку в лоб. Павленька любил милиционеров и, когда они свистели, старался петь повизливее. Павленька пел, когда раздался свисток, и все крутом затопали ногами» (*Петров В.Н.* Из литературного наследия. С. 775). Ну чем не Мамлеев?

21 Иван Щеглов на «Горьком» цитирует Сергея Кудрявцева: *Щеглов И.В.* Его-мои встречи с Владимиром Казаковым // Горький. 2023. 10 апреля (<https://gorky.media/reviews/ego-moi-vstrechi-s-vladimirom-kazakovym/>).

22 Роман Михайлов — один из самых ярких литературных талантов последнего времени. Высокопрофессиональный математик, специалист в теории категорий — самой абстрактной из областей математики. Тем самым уже в некотором смысле философ, но еще и сотрудничавший с Йоэлем Регевом, философствующим в позднеконтинентальном стиле.

Так же отступил Всеволод Петров. Читая его ранние философские рассказы, ловишь себя на мысли о вторичности. Чем дальше, тем больше они обрастают «мясом» и даже «жирком», уходя от влияния старших друзей. Самый мой любимый и самый, может, «петровский» — это «Человек в зеленых очках».

Но самый «языковой» — «Единство мира»:

Некий человек — назовем его «Сергей Сергеевич» — очень боялся мышей. Он совершенно не терпел, чтобы при нем хвалили или ругали этих животных, потому что его сразу начинало тошнить. А своей жене он запретил произносить слово «мышь». Вместо этого он велел говорить «источник».

— А как мне называть источники, — спросила жена.

— Ну, хоть мышью, — ответил Сергей Сергеевич, но спохватился и сказал: — я тебе запрещаю произносить это слово. Значит, источники ты должна называть как-нибудь иначе. Придумай сама.

— Я не хочу придумывать пустяков, — сказала жена.

— Захочешь, раз я велю, — ответил Сергей Сергеевич и, подумав, прибавил: — вместо «источник» ты будешь говорить «новость». <...>

А жена Сергея Сергеевича стала придумывать названия всему. Тропинки она назвала полотенцами. Полотенца она назвала половинами. Половины она назвала копилками. И когда она кончила называть всё по-своему, ей не хватило одного слова²³.

Все же рассказы Петрова философские (или онтологические), а о прозе/драмах/стихотворениях Казакова такого не скажешь. Он не философствует прозой, он, так сказать, критикует язык прозой и пьесами.

Это — да — логико-философские повести и пьесы.

Но есть еще одна особенность, подталкивающая к чтению Казакова параллельно с Петровым:

Ретроэскапизм Казакова и Петрова

«Россия XVIII—XIX веков, надо отметить, то место, где душа Казакова пребывает наиболее комфортно», — писал Лёвшин 90-х в «Двойной игре». И еще в «Годо»: «Герои Владимира Казакова ходят по Мясницкой, а не по Кирова. Дождь и фонари были и в прошлом веке, и в нынешнем, и будут, надеюсь, но значили они разное».

А вот что пишет Игорь Гулин в рецензии «Роман истончения»: «Он (Всеволод Петров. — *И.В.*) чувствовал себя человеком XVIII, начала XIX века, отделенным от современности прозрачной, но крепкой стеной»²⁴.

Возможно, это и есть главная причина неустойчивого интереса публики к Владимиру Казакову и к Всеволоду Петрову как автору «Философских рассказов»: не получается сходу прикрепить поднимаемые там проблемы к актуальным здесь и — особенно — сейчас.

23 Петров В.Н. Из литературного наследия. С. 782.

24 Гулин И.М. Роман истончения // Коммерсант-Weekend. 2018. 2 марта (<https://www.kommersant.ru/doc/3557891>).

От заиронии до замама

Лёвшин 90-х предлагает пучок терминов, примерно воспроизводящих модель словопорождения по типу «зауми»: заирония, зашутка, занекдот, зафоризм.

Почему бы нет? Не лингвистического импортозамещения ради, а так, для разнообразия. Ведь разного языкового происхождения «пост-», «мета-» и «транс-» мешают с чем ни попадя. Трудно придумать слово более уродливое, чем «постирония», например. При этом «мета-», изначально вошедшее в мультикультурный дискурс благодаря Андронику Родосскому, в том контексте значило примерно то же, что и кручёныховское «за-», и лишь позже стало чаще употребляться в значении выхода на более высокий уровень абстракции. И думаю, сам Алексей Елисеевич не возражал бы и против трактовки зауми как выхода на более высокий уровень ума. Эти термины (или «термины») с «за-» и звучат интересно, и приятно ассоциируются с авангардом, и освежили бы различения застывших значений там, где приелись мета- и транс-.

Но это лишь одна сторона усилий. Другая — это обратить внимание на обнаженную Казаковым особенность «авангардного» письма, уже независимо от приемлемости/неприемлемости самого термина. Назовем это более нейтрально: метаафоризм, метаирония, метаюмор²⁵.

Идея Лёвшина 90-х была, похоже, в том, что многие авангардные произведения имеют структуру шутки/афоризма/бонмо, не выполняя непосредственно привычных задач: не развлекающая, не вызывая восхищения изящно сконцентрированной «мудростью» — и так далее. Поэтому часто воспринимаются как неудачные и не заслуживающие внимания, а вовсе не как выводящие текст на более высокий уровень. Но это тоже огромная тема²⁶.

Не говоря о теме «Пьесы/проза Казакова в контексте четырех типов заумного языка в терминах Дж. Янечека», скажем²⁷.

Запанк?

Как известно, пьеса Ильи Зданевича «Янко крУль албАнскАй» стала культовой для субкультуры «падонков» с некогда популярных ресурсов «Удав.ком»

25 Я не знаю, добрался ли термин «метаирония» до филологической среды и, шире, до академической среды. Но на уровне соцсетевого общения он попадает. Например, здесь: <https://dzen.ru/a/YE8g5GyGHwEHhZOF>. Там же и «меташутка» и «метамемы»: «Метаирония тесно связана с культурой мемов (по сути, мемы — штамповка, создание и укрепление штампов). Вы наверняка видели мемы-конструкторы, в которых неизменным остается изображение, а меняются подписи».

26 Вспоминаются параафоризмы, параприбаутки у Владимира Сорокина (они же, не строго говоря, мета- и за-, а какая уж тут строгость). Ну так концептуализм (в глобальном, а не локализованном варианте) — это обычно и есть философствование средствами визуальных искусств. Тексты Сорокина в некотором смысле как раз визуальны. Это не очевидно, но это другой разговор. Или не чуждый концептуализму Дмитрий Данилов — тоже философствует. Но он — протоколами своих ощущений в «Описании города». См.: *Данилов Д.А.* Описание города // Новый мир. 2012. № 6 (https://magazines.gorky.media/novy_mi/2012/6/opisanie-goroda.html).

27 *Janecek G.* Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego State University Press, 1996.

и «Литпром». Разумеется, в их «жизнетворчестве» есть пересечения и с изобретениями Владимира Казакова.

Вот пример казаковских удивительных действующих лиц:

МОЗОЛИСТ: Хоронили всей баней. Пар у нас легкий.

БАН:щик!²⁸

Н: А как же решетки?

ОНИ НА ПУТИ В ЕВРОП:у!²⁹

По моему скромному мнению, этот персонаж(и) — Они-на-пути-в-Европ — мог бы стать точкой бифуркации целого направления в драматургии: скажем, ответвившейся драматургии для чтения, которую невозможно непосредственно воплотить, но которая может быть интересно обыграна режиссером³⁰.

Я, впрочем, о другом. Языковые конструкции, где именем становится часть предложения или что-то еще этакое, странное, вполне себе существуют в современном обществе: в политике, например: Егор «верни 100 баксов»; Миша «2%».

Но самое эффектное — это ники пользователей ЖЖ во времена расцвета этих самых падонков. Я помню пользователя с ником «Мой_котег_баица_крысо». Если б эта субкультура не пожухла, она бы, может, добралась и до пьес Владимира Казакова, как когда-то дотянулась до Ильязда.

Тревожный экспрессионизм

Лёвшин 90-х точно не влюбился бы в творчество Владимира Казакова, если б тот был просто изобретателем приемов, конструктором и деконструктором языка. Владимир Казаков — это эмоциональный и тонко чувствующий писатель.

Иван Щеглов говорит о его прозе: «...это был тревожный экспрессионизм»³¹.

28 Казаков В.В. Разрез // Казаков В.В. Мои встречи с Владимиром Казаковым: Проза. Исторические сцены. Сцены. München: Carl Hanser Verlag, 1972. С. 35.

29 Казаков В.В. Разучивание // Казаков В.В. Мои встречи с Владимиром Казаковым. С. 33.

30 Кстати, о постановках пьес Казакова. Относительно часто упоминается постановка «Дон Жуана» Александра Понамарева, Чет-Нечет-Театр, 1990 год. Но у него была и радиопостановка «Мои встречи с Владимиром Казаковым» на «Радио России» в 1995-м и на «Шведском радио» Хельсинки в 1997-м. И была как минимум еще одна — режиссера Ивана Верховых, о том спектакле пишет Алексей Голицын из Саратова, редактор журнала «Волга»: «Единственными, кто оказывал реальную, хотя и символическую помощь (Театру АТХ — Академии театральных искусств Самары. — И.В.), были постоянные зрители, несколько сот человек, для которых поход в театр не являлся протокольным мероприятием. В афишку “Незаживающего рая” Владимира Казакова, культовой постановки АТХ, вкладывался листок с благодарностями дантисту и парикмахеру, чьей-то бабушке, которая пожертвовала два подстаканника, некой девушке, которая “отдала нам самое дорогое — фату” и (к вопросу о спонсорстве) шарикоподшипниковому заводу, который подарил 200 металлических шариков» (Голицын А. Саратов. Вести с полей // Вестник Европы. 2004. № 12 (<https://magazines.gorky.media/vestnik/2004/12/saratov-vesti-s-polej.html?ysclid=lini3r9s4r6879223>)).

31 Щеглов И.В. Его-мои встречи с Владимиром Казаковым // Горький. 2023. 10 апреля (<https://gorky.media/reviews/ego-moi-vstrechi-s-vladimirom-kazakovym/>).

В целом мы с Лёвшиным 90-х скорее НЕ согласны³². Тревогу и трагизм часто вчитывают в тексты, зная биографию, как всматривают тревогу в картины Ван Гога, отнюдь не всегда тревожные.

И «будто бы» тревожных тоже не так много, как можно понять из слов Игоря Гулина: «...от будто бы тревожных текстов Казакова часто возникает ощущение абсурдного уюта»³³.

Но больше его эмоциональность чувствуется в стихах (что естественно).

Не могу себе отказать, не процитировать вот это редкое действительно трагическое (вот он, тревожный экспрессионизм?) стихотворение целиком.

ДИТЯ

старик исчез. темно. стена и дверь наощупь.
усталый звук шагов и скрип из темноты.
и лампа, как дитя. за нею сумрак тощий.
и женщина из тьмы спросила: «это ты? —

ее рука легла на узкие перила —
пожалуйста, молчи и лампу не буди.
ты знаешь, здесь стена во тьму глаза вперила,
и даль над головой над фабрикой гудит»
старик опять исчез, хоть и не появлялся.
я вижу темноту: она худа, бледна.
и пальцы, побледнев от скомканного пляса,
сжимают свою боль, как камушки со дна.

а даль над головой, над фабрикой усталой
хотела разбудить уснувшее дитя.
и лампа, закричав, в постели биться стала
и ножками сучить, болезненно светя.

1969³⁴

Но закончить мне хочется цитатой, которой Лёвшин 90-х завершает «Двойную игру»:

Мысль в виде буквы посетила Левицкого, когда они шли
по ночным улицам:
— щ, — подумал он³⁵.

32 Я не писал критических (и даже «критических») статей уж лет двадцать, но о Казакове я не забыл. Даже придумал проект этаким альтернативной «Казаковки» — то есть именно Премии Владимира Казакова — и даже начал скликать инвесторов. И не исключено, что уговорил бы кое-кого, но тут подоспел COVID-19 и стало не до премий. А еще позже стало совсем-совсем не до премий.

33 Гулин И.М. Всеми не свое время. Как Владимир Казаков реанимировал обэриутский абсурд в эпоху застоя // Коммерсант-Weekend. 2023. 28 апреля (<https://www.kommersant.ru/doc/5941161>). Кстаги, об абсурде Казакова: «“Смысл” “ожидания” “Годо” в том, что Годо не придет. То есть Годо и есть смысл абсурда, отсутствие Годо обустройства абсурд смыслов. Приход Годо обесмысливает абсурдное смысловое устройство. В русский абсурд пришел Владимир Казаков и обратил в абсурд традиции русского абсурдизма. Короче, он, конечно, никогда не был абсурдистом» (Лёвшин 90-х, «Долгожданный Годо»).

34 Казаков В.В. Дитя // Казаков В.В. Случайный воин. С. 84.

35 Казаков В.В. Ошибка живых. М.: Гиля, 1995. С. 187.